

Театр
мыльных
пузырей

ЛИНА САЙФЕР

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С14

Художественное оформление серии
Елены Околыциной

В оформлении переплета использована фотография:
© Dean Drobot / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Сайфер, Лина.

С14 Театр мыльных пузырей / Лина Сайфер. — Москва :
Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105924-8

Когда стоишь на пороге неминуемого, так или иначе начинаешь прикидывать в голове варианты дальнейшего развития событий.

Думаю, стоит выделить несколько стадий отношения к происходящему:

Первая — недоверие. Ты не можешь трезво оценивать ситуацию и глупо считаешь, что все обойдётся.

Вторая — осознание. Наступает спустя пару часов, дней, недель — у всех по-разному. Голова обрабатывает поступившую информацию, и приходит конечное ощущение неотвратимости.

Третья — действие. Здесь человек решает, что будет делать дальше: станет лежать в постели, накачивая себя лекарствами, слушая плач обезумевших от горя родственников, или убежит, окунувшись на время в новую, но куда более насыщенную и интересную жизнь.

Четвёртая — смерть.

Меня зовут Руби Барлоу. И, дойдя до третьей стадии, я выбрала побег.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сайфер Л., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105924-8

*Посвящается дому,
до которого еще предстоит добраться*

От автора

Все события, персонажи и прочие детали повествования являются лишь плодом моего воображения. Ни один образ не был взят из чьей бы то ни было биографии, любое совпадение является чистой случайностью.

Данное произведение не является пропагандой наркотиков, суицида, гомосексуализма и прочих проблем, затронутых в тексте.

I

*Пусть будет песнь твоя дика.
Как мой венец,
Мне тлостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хожу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданиями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал – теперь она полна,
Как кубок смерти яда полный.*

Лорд Д.Г. Байрон

Наверное, каждый человек хотя бы раз задумывался о смерти. Только начиная познавать суровые законы жизни, мы уже задаемся вопросом: «А что же дальше?», «Что будет *после*?»

Вот оно, это томящее и пугающее «после». Вы замечали, что человек больше волнуется не о самом событии, а о том, что следует за ним? И ведь это касается всего, не только смерти.

Когда стоишь на пороге неминуемого, которое приближается к тебе с чёртовой скоростью звука,

начинаешь прикидывать варианты дальнейшего развития событий.

Думаю, стоит выделить несколько стадий:

Первая — недоверие. Самое начало, когда ты не можешь трезво оценивать ситуацию и думаешь, что все обойдётся.

Вторая — осознание. Приходит спустя пару часов, дней, недель — у всех по-разному. Когда, наконец, голова начинает обрабатывать поступившую информацию и приходит ощущение полнейшей безысходности.

Третья — действие. Самое интересное. Именно на этой стадии человек решает, что будет делать дальше: лежать в постели, накачивая себя лекарствами, глядя, как жизнь и стремление к ней медленно покидают тело, слушая плач обезумевших от горя родственников, или убежит от всего произошедшего, окунувшись на короткий срок в новую, но куда более насыщенную и интересную жизнь.

Четвёртая — смерть. Конечно, порой «хеппи-энд» стучится в дверь, и ты впускаешь его с распростертыми объятиями, но это случается крайне редко.

Жизнь безжалостна. Это было ясно с самого начала.

Меня зовут Руби Барлоу. И, дойдя до третьей стадии, я выбрала побег.

(((←—◆—•• ГЛАВА 1 ••—◆—)→)))

Худые пальцы с обкусанными ногтями нервно стучали по лакированной столешнице. Врач, сидевший напротив, старался не смотреть на девушку и сопровождавшую ее женщину, которая без конца тербила край кофты. За столько лет он таки не смог привыкнуть к этому взгляду, который только что был живым и трепещущим, а в следующую секунду стал пустым и отрешенным.

Самой девушке было грустно осознавать, что её семнадцатая весна принесла с собой такое открытие. Без сомнения, все подростки жаждут приключений, стараясь познать как можно больше, ведь юность и молодость — лучшее время. Которое истекало, забирая с собой жизнь малышки Руби.

Девушку с тёмными, слегка вьющимися волосами била дрожь. Фаза осознания пришла к ней раньше, чем к добрым семидесяти процентам жертв онкологии. Она медленно моргала, будто пыталась прогру-

зить информацию, но на деле разговаривала с Богом, как и раньше в тяжелые моменты, обращаясь к нему, как к старому другу.

«Предатель. Чем я тебе так не угодила?» — злобно прошипела брюнетка, обращаясь ко всевышнему. Мама учила, что ничего не бывает просто так.

Бог не ответил. Он отвернулся. Он не признавал детей, которым нравятся страдания.

Мужчина, чьи виски уже подернулись сединой, а на щеках красовалась недельная щетина, слегка кашлянул, привлекая к себе внимание. «Весьма прозаический образ», — пронеслось в голове у девушки, и она выжидающе посмотрела на маму. Та тихо роняла слезы на потрёпанные джинсы и никого не замечала. Из нее не доносилось ни единого всхлипа, и на первый взгляд могло показаться, что в кабинете сидит статуя, выточенная из мрамора рукой великого мастера, и лишь падающие капли выдавали в ней человека. Человека, который уже заранее представил, как теряет дочь, жизнь, смысл.

Руби прикоснулась к руке матери, худощавой, слегка морщинистой, отчего та вздрогнула. Взгляд женщины был столь отстраненным, будто смерть уже стояла рядышком, окутывая её мягкой вуалью и забирая с собой. Наверное, она хотела бы принести в жертву себя, оставив дочь доживать свой непокорный век.

Удивительно, как пара фраз может состарить человека на несколько лет — вокруг глаз появляются морщинки, бледная кожа начинает обвисать или же спадают щеки, проявляя острые скулы, губы тут же

поджимаются и начинают нервно трястись, будто от того, насколько крепко они стиснуты, зависит нечто необычайно важное.

— Простите, закон обязывает нас доносить подобную информацию в первую очередь до самого пациента. Вы вовремя обратились в больницу, хотя, я уверен, что вы и подумать не могли на онкологию. Рак мозга одна из тех разновидностей, которая прогрессирует и разрастается довольно быстро. — Мужчина почесал отрастающую бороду и, не дождавшись ответа матери, продолжавшей смотреть в пустоту, обратился к самой девочке. — Мне очень жаль, милая. Правда.

Руби на секунду задумалась, сколько раз ему уже пришлось произносить это «жаль» и что он чувствовал на самом деле? Профессия врача не позволяет человеку быть слишком сентиментальным — можно превратиться в ходячий мешок скорби.

— Я не боюсь смерти, — ответила девушка, стараясь сохранить самообладание. Конечно, она врала. Подростки — да и не только они — никогда не боятся смерти, пока та не приблизится вплотную.

— Хорошо, — легко согласился врач и вздохнул. — Головная боль, головокружение будут усиливаться, как и рвотные позывы. С этим пока мы, увы, ничего не сможем поделать. Нужно будет провести еще пару-тройку анализов, чтобы выяснить, насколько сильно разрослась опухоль и операбельна ли она вообще.

— Вариантов у меня немного, так ведь? — спросила Руби, посмотрев мужчине прямо в глаза.

— Два.

— Умирать быстро или медленно? — ухмыльнулась девушка, отчаянно уговаривая слезы подождать еще пару минут и не показываться.

Врач ничего не ответил, лишь склонил голову и запустил пальцы в коротко стриженные волосы, стоящие торчком.

— Не стоит так быстро сдаваться, — устало произнес он.

— Не вам решать, — рискнула поспорить Руби. Нервы не выдерживали.

— Новообразование стремительно увеличивается и распространяется на близко и далеко находящиеся ткани вашего мозга, — врач вновь обратился к девушке. — Опухоль, имеющая доброкачественный характер, не метастазирует в другие органы, а располагается только в мозговых тканях.

— Медицинские термины — моя страсть.

— Я говорю о том, — упрямо продолжил мужчина, — что, если опухоль доброкачественная, есть возможность сделать операцию и спокойно жить дальше!

— А если недоброкачественная? — парировала Руби и, не дожидаясь ответа, продолжила: — Тогда я умру либо на больничной койке, окруженная жужжащими машинами, напичканная таблетками и с головой, похожей на шар для боулинга, либо... либо как-то по-другому, но все равно умру!

— Вы слишком много себе позволяете, — врач повысил голос.

— Вы не можете меня в этом винить, потому что, скорее всего, я умру в семнадцать, — тихо ответила девушка.

Мужчина вновь опустил голову, соглашаясь с горькой правдой. В кабинете повисло молчание, а Руби, пытаясь успокоиться, начала глубоко и размеренно дышать, разглядывая маленький кабинет, больше походивший на последнее пристанище. Именно в этой каморке, где стены выкрашены в светло-зеленый, и умирали люди. Не в больничной палате, не в домашней койке — именно здесь.

Вокруг громоздкого письменного стола с ноут-буком и кипами бумаг располагались шкафчики со стеклянными дверцами, в которых покоились многочисленные папки. Несмотря на карикатуры, украшавшие стены, кабинет все равно нагонял тоску и уныние. Скорее всего, эти картинки были развешены для поднятия настроения совсем маленьких пациентов, которые мало что понимали в словах доктора, касающихся их будущей жизни. Вернее, их будущей смерти.

При мысли о том, что рак может поразить даже детей, Руби пришлось сильнее сжать губы. Внутри начинала угасать искра той силы и выдержки, которую она возвращала в себе последние годы.

Слеза капнула на запястье, но девушка тут же смахнула её широким растянутым рукавом свитера. Несмотря на остекленевший взгляд, от мамы это непроизвольное действие не укрылось. Матери могут не замечать ничего, кроме боли собственных детей. Увы, бывает и наоборот.

Эта роковая капля будто прорвала незримую плотину внутри женщины, вывела её из оцепенения. Будто яростная тигрица, всегда готовая защитить своё

дится, она кинулась к дочери, сжала её в крепких объятиях и гневно взглянула на доктора, словно это он был виноват в случившемся.

Руби тут же почувствовала внезапный приступ тошноты и нехватки воздуха и довольно жёстко высвободилась из материнских пут. Она плакала. Не от осознания близкого конца или скорби по собственной жизни, а от злости, которая долгими месяцами захватывала её в свои сети. Беспочвенная злость и глупая обида на весь мир, отдающая глухими ударами в висках.

Люди — странные существа, они начинают ценить вещи лишь на пороге их невозврата, но Руби Барлоу, так страстно желавшая выделяться среди прочей посредственности, решила для себя, что это не конец, а новое начало. Новая маленькая жизнь. Прошлая прервалась с вынесением окончательного вердикта о заболевании, но новая началась тогда же.

Во взгляде девушки появилась некоторая искорка гнева и дикости, доктор, сидящий напротив неё, с легкостью сравнил бы его с взглядом разъяренного льва, накинувшегося на добычу. Жестокость читалась в нервных движениях Руби, когда та скинула руку убитой горем матери со своего плеча и резко поднялась. Жестокость читалась в её движениях, когда она рывком открыла кран с ледяной водой и наклонилась над раковиной, стоящей возле входной двери.

Через висящее над раковиной зеркало Руби взглянула на худую женщину, у которой начиналась истерика, и крепкого доктора, который подскочил и принялся успокаивать ее.

Удивительные люди эти доктора. На его месте сейчас мог сидеть такой, который бы еще и голос повысил на и без того ошарашенную женщину, но этот вел себя как истинный джентльмен и тщательно пытался уговорить мать пациентки не лить слезы. Наверное, и он начал выходить из себя, подобно Руби, но держался из последних сил, стараясь сохранять профессиональную выдержку. От прошлого оптимизма не осталось и следа.

Девушку передёрнуло от развернувшейся перед ней сцены. На Руби нахлынула волна горького раздражения, оттого, что фраза «Слезам делу не поможешь» отлично бы подошла этой ситуации. Не озвучила она её лишь потому, что пожалела чувства матери. Удивительно, как известие о скорой смерти может изменить человека. Тот уже не боится быть с кем-то жестоким или наглым, хотя, впрочем, следовало бы как раз не бояться быть чувствительным. Чуткость Барлоу таяла на глазах, на ее место приходили злость и раздражение. В первую очередь на себя.

— Скажите ей правду, — произнесла девушка, не оборачиваясь. — И не жалейте её. Может, она всё это заслужила. Может, она была плохой матерью.

Пытаясь не обращать внимание на мгновенно воцарившуюся тишину, связанную с ошеломлением, а после — на вновь режущие слух рыдания женщины, Руби вышла из кабинета, нарочито громко хлопнув дверью.

Она прислонилась спиной к ледяной стене, пытаясь устоять на трясущихся ногах. Сохранять самообладание всегда было трудно, а сейчас в особенности.